

Ирина Котова
Валерия Панина

БЕГИ, А ТО ЗАКОЛДУЮ!

Москва

Глава 1

О ТОМ, ЧТО ПЛАНИРОВАНИЕ — ВЕЩЬ ЗЫБКАЯ

«Сенсация! Сенсация! Придворный маг уходит в отставку!

На его место прочат сразу двух магов, фамилии которых нам хорошо известны из-за вражды их семейств. Итак, смогут ли мэтр Натаниэль Вудхаус и мэтрис Эбигейл Горни забыть о родовой вражде и работать на одной должности на благо королевы? Следите за нашими репортажами!»

Заголовок на первой полосе
«Вестника Вэншица»

— Горни!!!

Нет ничего слаще с утра, чем слышать вопль заклятого соперника, застрявшего в ловушке. Это означает, что Эби не зря кралась посреди ночи на манер гнома в плавуне, не зря обходила сторожевые линии и все сделала правильно. Папенька бы сейчас хлопнул дочку по плечу и одобрительно захохотал.

— Эбигейл Горни!!!

Вышеназванная Эбигейл Горни вышла на крыльцо и удовлетворенно сложила руки на пышной груди. Вопли, ласкающие слух, доносились из двора дома напротив.

В доме этом жил эльф Натаниэль Вудхаус. Красавец с копной белокурых волос, бывший однокурсник, Белоручка и самая невыносимая ироничная заноза. Он же второй помощник придворного мага. Первой себя считала Эбигейл.

Правда, Вудхаус совершенно возмутительно называл первым себя.

Помощники придворного мага жили в домах на окраине дворцового парка, разделенные лишь дорогой, ведущей к месту службы. Королева терпеть не могла толп придворных во дворце, предпочитая в свободное от службы время держать их подальше.

Все дома придворных были однотипны, но маги любили переделывать места обитания под свои вкусы. Именно поэтому жилище Эби смотрелось таким же приземистым и ярким, как она сама: один этаж, зеленые стены, желтые ставни, красная крыша в цвет ее волос, плавильная печь на улице, кузня, сарайчик с металлами и минералами, охраняемый почище покоев королевы.

А дом Вудхауса выглядел как маленький белокаменный дворец, увитый лозой — непрактичные колонны, лепнина, высокие окна, светильники по всему фасаду. Недавно эльф и вовсе украсил дорожку статуями полуобнаженных пышных русалок. Богема, что с него взять. Сейчас в королевстве Эринэтта царило лето, и теплыми вечерами Натаниэль просиживал с гостями под деревьями в креслах или качелях из лозы, играл тонкими пальцами на

гитаре, пел песни — от тягучих эльфийских до похабных оркских — и хлестал вино.

Впрочем, этим он занимался с первого курса магической академии, хотя, по слухам, в эльфийских семьях нравы царили самые чопорные. Видимо, он так отрывался. И, что самое противное, наутро выглядел свежим и ярким, как роза, когда самой Эбигейл достаточно было выпить чуть больше воды на ночь, чтобы с утра казалось, что возлияния были у нее.

После окончания академии Эби получила желанную должность помощника придворного мага. Точнее, получили ее сразу два выпускника. Но один, вот незадача, пропал почти на полгода. Правда, потом вернулся, заняв и второе место помощника, и дом напротив.

Только вселившись, в первую же пьянку Вудхаус заявился к Эбигейл с двумя бутылками вина.

— Горни, — сказал он в своей неподражимо-высокомерной манере, — я уже здесь и нам с тобой предстоит работать вместе, как бы тебе это ни претило. Предлагаю закопать стрелу войны и наладить отношения, несмотря на все прошлые обиды и противостояние семей. И даже на мою ссылку в деревню Гнилые топи, хотя, признаться, я только недавно перестал хотеть притопить в этих топях тебя. Присоединяйся к нам, — он качнул головой в сторону своего дома, где сидели его дружки и подружки. — Я угощу тебя лучшим эльфийским вином, — и потряс бутылками.

Она, конечно, была бы душой, если бы поверила в это предложение. Во-первых, когда это

Вудхаус отказывался от мести, а во-вторых, пару раз в академии при согласии даже не на примирение — на нейтралитет — ее выставляли посмешищем. Благо крепкий гномий кулак и отличное знание магии — хорошие средства против излишне смешливых.

— Оставь его себе, неженка, я пью только гномий самогон, — Эби хлопнула дверью, едва не отбив великолепный эльфийский нос. А затем, подумав, мстительно наслала на дом новоиспеченного коллеги грозу с градом и молниями. Пока Вудхаус сумел расформировать ее плетение, град побил стекла, бутылки и многочисленных гостей.

На следующее утро на Эбигейл по пути на работу разлезлись штаны, а наковальня стала выводить сладкие эльфийские трели при каждом ударе. И второе было куда хуже первого, потому что довело ее до белого каления.

Так продолжилось их противостояние, которое началось еще в магической академии. А если уж говорить прямо, то много-много раньше. И закончиться должно было именно сегодня.

Именно поэтому одна из грудастых каменных русалок в саду Вудхауса сейчас страстно прижимала хозяина руками к своим пышным персям, обвив его ноги хвостом. Так плотно, что он смог лишь слегка повернуть голову.

— Я тебя убью, — прочитала Эби по его губам и, хмыкнув, поманила соперника к себе ладонью, как боец перед дракой. Натаниэль

было дернулся, но каменная дева сжала объятья крепче.

В академии Ната и Эбигейл опасались ставить друг против друга на занятиях, но с десяток раз они все же валяли друг друга по земле — и, к сожалению Горни, счет был равным.

К Эбигейл полетел рой сердитых пчел: эльфы могли управлять живыми существами одной лишь силой мысли, не шевельнув и пальцем. Но будущая придворный маг королевы (и никак иначе!) махнула рукой, замораживая полосатиков, повисших сердитыми мохнатыми желудями — потом оттают, согреются и полетят по своим делам. И тут же насторожилась — часы на городской ратуше били восемь утра.

Через двадцать минут нужно быть у кабинета придворного мага, магистра Корне лиуса Фрая, который в этот знаменательный день уходил на покой и должен был назвать преемником ее, Эбигейл. А заодно вручить все регалии и амулеты, с которыми она завтра пойдет на прием в свою честь и принесет клятву королеве. Правда, сам почтенный магистр пока не знал, что преемница у него будет только одна, и планировал разделить должность между Горни и Вудхаусом.

Ужасная ошибка наставника, которую, впрочем, легко исправить. Ибо магистр Корнелиус смотрел сквозь пальцы на все: и на ссоры помощников, и на излишнее рвение в работе, и на их соперничество, приговаривая, что из духа противоречия они только лучше работают. Не

терпел он только двух вещей — непрофессионализма и непунктуальности.

— Чудесно смотрите, Нат, — крикнула Эби через плечо, поспешно закрывая дверь своего домика. Перед тем как шагнуть с крыльца, она проверила и дорожку, и окружающий сад на предмет встречных ловушек — не одной же ей могла прийти светлая идея задержать противника, — но ничего не обнаружила и неторопливо, придерживая длинную юбку, пошагала к воротам. В королевстве Эринетта женщины давно имели право носить брюки (а как тут запретишь, когда в стране проживает такая гремучая смесь рас), но сегодня был важный день, и Эби хотелось предстать перед магистром во всей красе.

— Неужели ты думаешь, что если я опоздаю, ты одна получишь должность? — проорал Натаниэль из каменной ложбинки.

Эбигейл улыбнулась еще шире — дабы он видел, что она в этом абсолютно уверена, — и потянулась к калитке. Но стоило шагнуть за нее, как лоза, увивающая забор, выстрелила в сторону гномки длинными ветвями-усиками, оплетая руки и ноги и растягивая в проеме ворот, как морскую звезду.

— Вот же ж... окалина! — выругалась Эбигейл, слишком поздно заметив хитро замаскированное заклинание. Чересчур сложное, чтобы быть наложенным прямо сейчас. Значит, Белоручка тоже постарался ночью!

— Приятное чувство, да, Эби? — Натаниэль тонко улыбался, возложив кудрявую голову на одно из двух пышных каменных полушарий.

— Чтоб тебе кирка на палец упала, — рывкнула леди Горни, безуспешно дрыгая ногами.

— Обожаю твои гномские ругательства, — заметил эльф. Им приходилось повышать голос, чтобы докричаться друг до друга через дорогу.

— Чтоб твое зубило всегда мимо било! — не разочаровала его Эби.

— Давай оставим в покое мое зубило, — протянул Вудхаус насмешливо. — Да не дергайся, Горни, чем больше дергаешься, тем больше они стягиваются. Кстати, как ты смогла попасть на мою территорию? И перенастроить охранниц? Это все ваше гномье повеление камнем? Но я ведь все защитил от чужих чар!

— Так я тебе и рассказала, — хмыкнула она. Но Натаниэль уже смотрел куда-то в сторону.

— О, приветствую вас, милые дамы. Какая прелестная у вас форма.

— Здравствуйте, — поздоровалась Эби, делая вид, что просто так тут висит, для развлечения.

Мимо них, хихикая, торопились к дворцу молоденькие поварихи, гоблинши и людинки, чтобы заступить на дневную смену. Следом величаво шествовала главная кухарка, орка мейсис Лизабэта. Она с неодобрением повернула клыкастую голову сначала направо — Эби сделала еще более независимый вид, — затем налево. Вудхаус улыбнулся.

— А у вас самая прелестная форма из всех, мейсис.

— Когда уже вам надоест, — укоризненно покачала головой кухарка и неторопливо двинулась дальше.

— Никогда! — ответили они хором. Эбигейл скривилась. Драгоценное время уходило.

— Ну что, — позвала она, морщась. — У нас позиционная ничья, Белоручка. Предлагаю мировую на это утро.

— Снимаем заклинание на счет три? — уточнил эльф деловито.

— Договорились. Раз, — сказала Эбигейл. — Два. Три! — она деактивировала заклинание на русалке, и Натаниэль со стоном повалился на землю. Однако лоза продолжала держать Эби за руки и ноги.

— Ты ничего не забыл? — крикнула гномка.

— Ты о чем? — невинно спросил эльф и поковылял, подволакивая ногу, к калитке. Видимо, русалка сжала одну из великолепных лодыжек слишком сильно.

— Вудхаус! — Эби добавила в голос угрозы. — Если ты сейчас же меня не отпустишь, я тебе кости раздроблю на наковальне! И зубы клещами вырву!

— Надо было тебе и рот завязать, — откликнулся он сожалеюще, ковыляя мимо, в сторону дворца. Затем остановился, спохватился, хлопнув со смешком себя по лбу, и прошептал целебное Слово. А после легко пошагал занимать ее, Эбигейл, должность, отразив проклятье, которое она послала ему вслед.

— Поверить не могу, что попалась, — прошипела она, пытаясь вывернуться. Лоза затягивалась туже.

«Дщерь моя, — вспомнила Эби наставительный бас отца, — слушай папу, папа плохого не

посоветует. Запомни, гномы никуда не торопятся и не суетятся. Безвыходных ситуаций не бывает — главное-таки вовремя остановиться, успокоиться и подумать».

Она, как послушная дочь, перестала дергаться и подняла глаза к небу. Там решения не нашлось. Тогда она опустила взгляд к земле — и просветлела.

Следующие минуты три Эби, засунув злость и страх опоздать поглубже, аккуратно растила из булыжников, которыми была выложена дорожка, два тонких каменных клинка. Ноги удалось освободить быстро. Вудхаус давно скрылся из вида и уже, скорее всего, входил во дворец, когда клинки достигли лозы, опутавшей руки, и перерезали и ее.

Надо бежать, иначе она точно не успеет. Эбигейл шагнула вперед, но ноги запутались в длинной юбке. И нужно же было надеть ее сегодня! Времени переодеться не оставалось, и леди Горни, задрав юбку, одним движением рук, натренированных работой в кузне, оборвала ее выше колен. Сильно выше, если уж честно, но это было случайно-нервное.

Склонив голову на манер разъяренного быка, Эбигейл помчалась к дворцу.

Глава 2

О ТОМ, КАК МОЖНО ЗАИГРАТЬСЯ И ПРОИГРАТЬ

«Наш источник во дворце сообщает, что сегодня избранная публика имела возможность полюбоваться весьма смелым нарядом мэтрис Эбигейл Горни.

А поскольку в этом сезоне мужчины носят экстремально узкие брюки, и мэтр Натаниэль Вудхаус неизменно следует моде, смеем вас заверить, что магические дела королевства находятся не только в надежных руках, но и прочно стоят на красивых ногах любого из двух магов».

Еженедельник «Мода и красота»

Ее величество Миррэй Вторая в свои пятьдесят пять была королевой строгой, но справедливой, не лишенной воспитательного рвения и несколько своеобразного чувства юмора. Двое принцев сейчас проходили службу в королевских войсках далеко от столицы, супруг скончался несколько лет назад, оставив королеву на троне, страна процветала, правительницу льстиво величали Матерью Эринетты и Кормилицей. В общем, скука была смертная.

Немного оживил настроение ее величества предстоящий уход придворного мага. Королева

терпеть не могла, когда у людей и нелюдей, к которым она была привязана, обнаруживались еще какие-то интересы, кроме государственных. Именно поэтому она с утра прошла тайным ходом (так было быстрее) в кабинет магистра.

— Я все еще не понимаю, почему я должна привыкать к новым лицам, Корнелиус, — нарочито сварливо говорила она, сидя за столом верноподданного и аккуратно пригубливая чарочку вина. Королева считала, что красное мельтийское после завтрака придает румянца щекам и задора характеру.

В предках Миррей были преимущественно люди, но аристократы других рас там тоже потоптались, хотя, скорее, полежали, оставив потомству память о себе. Особенно постарались орки, передав по наследству светлую кожу слегка зеленоватого оттенка и сделав нижнюю челюсть заметнее, а нижние клыки — побольше обычных. Глаза у ее величества были серые, волосы светлые — в кого-то из эльфийских пращуров, фигура сухощавой и высокой, так что немного краски на щеках ей действительно не вредило.

Тем более что, по меткому замечанию какого-то стихоплета, пожелавшего остаться неизвестным, румянец на щеках королевы прелестью своей напоминал нежные розы на весенней листве. Миррей даже сохранила это посвящение, так ее позабавили неловкие, но очень красочные метафоры.

А вот задора ей и без вина хватало. Например, ее величество любила тайные ходы не

только за скорость передвижения, но и за то, что можно было, например, незаметно пройти в свой кабинет — и попивать вино, наблюдая в большом магическом визоре, а иначе хрустальном шаре, как ведут себя посетители в приёмной. Визоры настраивались на одно помещение или несколько и были превосходной системой слежения, а также использовались для общения, передачи новостей, театральных представлений и концертов. Такой же визор был установлен и на столе Корнелиуса.

— Не такие уж лица Горни и Вудхауса и новые, ваше величество, — терпеливо, но упрямо отвечал придворный маг, тоже по настоянию королевы греющий в ладони чашу с вином. — Вы их уже третью весну имеете удовольствие лицезреть. Поделите обязанности, будет у вас два молодых придворных мага вместо одного старика.

— Ты младше меня на три года, — сухо напомнила королева.

— Вы с годами становитесь только прекраснее, — ушел с зыбкой почвы магистр. — А вот я уже весь седой, — и магистр Корнелиус потер по-армейски гладко выбритый подбородок, словно надеялся найти там седую бороду, а затем коснулся черных как смоль волос.

— Я все еще воспринимаю твое увольнение как блажь, — сурово продолжила Миррей. — Как жаль, что я не так сумасбродна, как мои предки. Может, кинуть тебя в темницу, пока ты не одумаешься, Корнелиус?

— Как пожелаете, ваше величество, — улыбаясь, склонил голову магистр.

— Увы, я просвещенный монарх, — вздохнула Миррей и требовательно постучала по чаше, чтобы Корнелиус подлил вина. — Вечера открыть железную дорогу, позавчера — посетить завод по сбору паромобилей, а сегодня бросить соратника в тюрьму — это дурной тон.

— Я очень ценю это, ваше величество, — поддакнул магистр и охотно наполнил чашу.

— Но я требую объявить мне истинную причину твоего увольнения. Пока я не услышала ни одной, кроме твоей предполагаемой дряхлости. Которая не мешает тебе каждое утро на полянке перед дворцом сидеть, сплетя ноги...

— Медитировать, ваше величество.

— Скручиваться кренделем так, что можешь укусить себя за...

— Я понял, ваше величество. Это синская гимнастика. Поза собаки, у которой чешется хвост.

Королева с каменным выражением лица выпила половину чаши.

— На дряхлую собаку ты не похож, — резюмировала она. — Так каковы истинные причины?

— Причины личные, — Корнелиус любовался, как на щеках королевы расцветает румянец, поколебался и одним махом закинул в себя остатки вина. — Я ведь жениться хотел, ваше величество. Но, увы, не выйдет. Хочу залечить разбитое сердце.

— О, — она оживилась. — Жениться — это любопытно. На ком?

— На самой прекрасной женщине в мире, — грустно ответил магистр и покосился на бутылку.

— Неужели я лицезрею тебя влюбленным? — с азартом сверкнула глазами королева. — Я уж, грешным делом, думала, что придворные бездельники правы и у тебя какая-то личная травма.

— Какая травма? — несколько нервно отреагировал Корнелиус.

— Личная, — королева говоряще подняла брови. — Версий несколько. Первая сплетня звучит так — возможно, какое-то из побежденных тобой чудищ щелк пастью... и все. Нет больше верного клинка...

— Клинка? — непонимающе повторил маг.

— Ну, жеребца, Корнелиус, — вновь поиграла бровями ее величество, в крови которой задор наконец-то достиг нужной концентрации. — Прибора, который некоторые мои придворные кладут на свои обязанности.

— Ваше величество! — еще более нервно возмутился магистр. — Все у меня в порядке и с клинками, и с жеребцами, и с приборами! Все наточено, тьфу, работает, прости Пряха, как в юности! И при всем почтении, мои возможные травмы — мое дело.

— Травмы моего придворного мага — это государственное дело, — торжественно возразила королева. — Хочешь выслушать вторую сплетню?

— Не хочу, но придется, — проворчал магистр, немного успокоившись.